

Марина Мельникова
АГЕНТ ВОРОН

Взгляд из зеркала

Литео

Annotation

Раньше, сынок, была другая Вселенная. Но на одной из планет учёные запустили адронный коллайдер. Произошел Большой Взрыв, в результате которого и возникла наша Вселенная...

Марина Мельникова

АГЕНТ ВОРОН Взгляд из Зазеркалья Роман

*Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно!
Вот последняя правда, открытая мной.^{[1](#)}*

Алиса прикрыла глаза. Сердце трепетало в груди, словно пойманное в силки. Прохладные атласные простыни охладили разгоряченную кожу. Всё, что было пару мгновений назад, упорхнуло, словно стайка бабочек, покидая благоухающий цветок. Оставалось цепляться за недавние грезы, понимая, что с каждой секундой они всё дальше от реальности. Открыв глаза, Алиса наблюдала, как собственная реальность в лице угрюмого молодого человека, скользнула взглядом по её обнажённому телу. Девушка томно потянулась и откинула на плечо тяжелую копну золотистых волос. Лукавая улыбка тронула её губы, когда парень нахмурился ещё больше.

— Прикройся, и прекращай меня соблазнять, — строго сказал он, одеваясь.

Она, уверенная в своей сексуальности, не подумала выполнить настоятельную просьбу. Наоборот, переменив позу так, чтобы длинные ноги с изящными лодыжками выглянули из-под простыни, она усмехнулась. В глазах горел вызов. Похлопав по опустевшему месту рядом с собой, Алиса негромко позвала:

— Иди ко мне...

— Нет, нет, нет. Я и так опаздываю на важную встречу.

Она надула губки. Угрюмая реальность в лице собеседника упрямо не желала смягчаться.

— Надоели мне твои важные встречи, бесконечные отъезды, долгое отсутствие, а потом здравствуйте, приехали, люби меня и развлекай...

— Алиса, девочка моя, ведь это моя работа, за которую мне платят деньги... немалые деньги, между прочим, — спокойно, словно малому ребенку, объяснял молодой человек.

— А я замуж хочу! Ты промурыжишь меня, и бросишь...

Молодой человек усмехнулся:

— Я где-то слышал, что брак — это тайный заговор женщин против мужчин. Хорошо сказано, n'est-ce pas²?

— Не переводи разговор! Ты как наркоман, посидишь полмесяца дома, и у тебя ломка. Мне уже надоело отлавливать тебя между поездками. Я ощущаю себя надувной куклой, которую надувают по надобности, а потом сдувают и забрасывают в антресоль, чтобы не мешала.

Не дожидаясь ответа, Алиса вскочила с кровати и начала стремительно одеваться. Как назло скомканные и разбросанные накануне вещи категорически не хотели возвращаться на свои места, норовя одеться то наизнанку, то задом наперед.

Парень подошел к ней вплотную, развернул к себе и обхватил лицо ладонями, заставив посмотреть в глаза:

— Душа моя, я ведь никогда и ничего тебе не обещал. Его карие, такие родные, глаза были как никогда серьёзны, и от этого стало еще тяжелее. Ком сдавил горло, на глаза навернулись слёзы. Всё оставалось по-прежнему.

Яркие вспышки сменялись стремительным остыванием и отдалением. Так же, как живут миллиарды планет во Вселенной, лишённые взаимных чувств.

— Знаю, что ты меня не любишь, но я не могу без тебя...

Разыгравшаяся маленькая собачка Алисы, не ощутившая накал страстей, норовила куснуть молодого человека за штанину. Он, рассмеявшись, подхватил померанского шпица за

бока. Доведя его до бешенства, бросил на кровать. Оттуда донеслось презрительное фырканье.

— Ладно, радость моя, одевайся быстрее! Мне надо тебя накормить, наш столик уже ждет.

Девушке бы плюнуть, и уйти искать счастья в другой обители, но безмерная любовь к этому человеку, надежда, которая умирает последней, не давая здраво взглянуть на действительность. Она заставила её, проглотив обиду, пойти с ним обедать.

Молодую пару в кафе уже ждали.

— Ваша любимая шакшука³ готовится, — любезно уведомил подошедший официант.

— Тебе она ещё не надоела? — с сарказмом заметила Алиса, занимая столик.

— Она возвращает мне силы после общения с тобой. Девушка покраснела от едва сдерживаемого гнева.

— Жан, ты можешь быть серьёзным?

— Жизнь, моя девочка, и так очень серьёзная штука, зачем же её усложнять ещё больше?

— Ладно, куда ты направляешься на этот раз?

— Думаю, что к франкоязычному населению...

— И надолго?

— Судя по новому контракту, нет. А как твоя работа? — спросил собеседник, чтобы перевести тему разговора.

Алиса махнула рукой. Она была неплохим врачом онлайн-диагностом, начинавшим свой день в серебристосерой высотке в форме спирали, отстроенной на руинах детской поликлиники. Утреннее кофе, диагностические карты, контроль показаний и информации из виртуальных датчиков здоровья. Каждое действие отточено, как и каждый диагноз, впечатываемый в карту пациента. Привязанность к работе заставляла порой сопереживать людям, оказавшимся во власти трудноизлечимых болезней.

— Ведомство опять поднимает цены, — зло фыркнула она, — ещё немного, и пользоваться услугами нашей клиники смогут единицы...

— Сначала деньги — потом стулья. На этом уже давно построена вся наша жизнь, — в тон ей ответил Жан.

— А начиналось ведь так замечательно, — продолжила рассуждать Алиса, — врач всегда рядом, решены сложные вопросы, а для хронического заболевания — это же просто жизненно необходимо...

— Солнышко мое, ты же знаешь, что нанотехнологические прорывы, способные улучшить и качество жизни, и саму жизнь, искусственно тормозятся, — сухо проронил собеседник.

— Черное прошлое, смешавшись с белым будущим, дало серое настоящее, — обречённо пробурчала Алиса.

Благодаря встроенным в тело микрочипам, онлайндиагностика стала реальностью, и процветала. Сервис дистанционного общения с врачом рекламировался повсюду, и приносил неплохие доходы владельцам частных компаний. Наряду с этой областью медицины быстро развивались и генная технология, и трансплантология. Стареющие органы успешно заменялись на новые, выращенные из генного материала пациента. Обеспеченная верхушка приближалась к бессмертию. Продолжительность жизни остальных земель ненамного увеличилась, но это лишь благодаря тому, что люди как-то приспособились переваривать то, что поступает на прилавки, и вдыхать то, что выдыхают мегаполисы.

Алиса с печалью подумала о «серебряной спирали», где она работает.

Днем и ночью кипит работа. Диагностика, отслеживание, сбор, анализ, синтез, кофе, переписка... Расстройства и болезни не знают отдыха, не имеют обеденного перерыва и никогда не ждут.

Аромат поданного свежеприготовленного блюда вызвал интенсивное слюноотделение, разговор был прерван сам собой. Умиротворяющая атмосфера кафе настраивала на лирический лад — легкие матово-голубые портьеры, иссиня-чёрный потолок, на котором мерцали светодиодные звёзды и раскидистые пальмы в стеклянных кадках. По ровному, словно гладь спокойного озера, полу, неслышно скользили официанты с заказами. Только в этот момент молодые люди поняли, насколько они проголодались.

— Мне кажется, что я не ел с прошлого года.

— Угу, — согласилась девушка, интенсивно пережевывая обмакнутый в яичницу хлеб.

Когда голод был утолен, молодые люди заказали кофе и мороженое.

Алиса не сводила глаз с собеседника, стараясь запомнить его таким, как есть, понимая, что отпускает его, возможно, навсегда.

Красавец, что ни говори. Высокий рост, аристократически-небрежная грация, гармонирующая с натренированным телом. Несмотря на безукоризненные манеры, приобретенные Жаном в закрытой элитной школе, было в нём что-то угрожающее, непреклонное.словно огромная хищная кошка, выжидающая удобного момента, чтобы напасть. Загорелые руки заставляли вспоминать о звериной хватке, взгляд светло-карих глаз давил невыносимой тяжестью, а легкая щетина на щеках и подбородке в сочетании с широкой улыбкой на смуглом лице придавали Жану геройский облик. Сейчас он улыбался, глядя на неё. Скупой ироничный изгиб тонких губ. Фразы, бросаемые им в разговоре, зачастую сопровождались именно такой улыбкой. Самоуверенный, гибкий, непроницаемый. Алиса знала, что это всего лишь маска, которою он надевал, выходя из дома. Всё вместе это создавало такое очарование и силу, к которым вряд ли хоть одна женщина могла остаться равнодушной. Такое родное и такое недоступное одновременно. Один из тех самых героев, которых всегда манят невиданные дали — города, континенты, галактики. Один из тех самых героев с горящим сердцем и холодным разумом. Один из тех самых героев, которые навсегда остаются в летописях истории...

Печаль вновь коснулась сердца и на мгновение Алиса зажмурилась, прогоняя непрошенные слезы.

«А если он уйдет и больше не вернётся? — бесконечно спрашивала она себя, и бесконечно гнала эту назойливую мысль. — Нет, я не в силах его потерять, я не смогу без него жить!»

— Что-то кофе задерживают, явно за ним поехали в Эфиопию, — тихо произнес Жан, а потом добавил, — ты уже полчаса меня разглядываешь. Как-то стало не по себе...

— Я тебя буду ждать, — покачала головой Алиса, — слышишь ты меня, я тебя буду ждать!

Жан улыбнулся:

— В двадцатом веке был замечательный поэт Симонов, и стихи у него замечательные:

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,

Жди, когда наводят грусть

Желтые дожди,

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера...

Ирония его взгляда, остановившегося на глазах Алисы, не сочеталась с такими нежными и трогательными строками. Он словно играл, как кошка с пойманной мышью, испытывая порог ее терпения. И догадаться, о чем он думал, было невозможно. Алиса почувствовала, что краснеет, но нашла в себе силы выдержать этот взгляд.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

— Нет, — покачала головой Алиса и отвернулась, — ты всё-таки несерьёзный человек...
А в это время информационные голограммы наперебой вещали:

— Продовольственный дефицит в условиях растущего населения решают генномодифицированные продукты... Активно развивается биохимия и создание пищевых продуктов её первоочередная задача... Человечество, наконец, научилось утилизировать пластик, превративший Землю в большую свалку... Качественно бороться с выбросами в атмосферу различных гадостей наша первоочередная задача... Аэромобили не решили проблему пробок в мегаполисах... Ученые бьются над проблемой пространственно-временных континуумов...

В это время в военном ведомстве шло обсуждение результатов, полученных на новом ускорителе элементарных частиц. Мечты учёных-физиков осуществились в 2052 году, когда усилиями землян был построен новый электрон-позитронный ускоритель частиц, огибающий Землю. Комплексы Центров ядерных исследований, включающие всё необходимое для жизнедеятельности большого количества инженеров и учёных, обслуживающих ускоритель, располагались в крупных городах, вдоль его кольца.

Люди уже привыкли к тому, что каждое утро, когда рассеивался утренний туман, можно было видеть, как лучи солнца скользили по блестящим каналам вдоль трасс, петляющих между домами, взмывающие в воздух, пропадающие в густоте деревьев и сливающиеся с гладью реки. Мир, разобранный на атомы, казался более многогранным и насыщенным, чем это казалось прежде. Он рассыпался на частицы, а потом вновь собирался в объемные и живые картины — гротескные, чувствующие, фантастические. Реальность каждого человека, сотворенную его руками.

— Как вы считаете, профессор, можно ли использовать эти открытия для создания оружия?

Алексей Евгеньевич, профессор физикоматематических наук, и неизменный руководитель тайной военной лаборатории, удивленно уставился на полковника Александра Громова, своего куратора, задавшего некорректный вопрос.

— Поясню, — ответил Громов, нахмурившись, на лбу его между бровями пролегла морщинка, — нам стало известно, что в лаборатории физики высоких энергий появился Антуан Леруа, генерал «дружественного» военного ведомства.

Полковник Громов обвел подчиненных офицеров тяжёлым взглядом, а потом продолжил:

— Я предполагаю, что возможности ускорителя заряженных частиц оказались ошеломительными для них, а именно: поиск пространственно-временных порталов, разработка супероружия, в основе которого лежит так называемая «частица Бога» — это то, о чем говорится на их бесконечных летучках, планерках и совещаниях.

— Интересно, — профессор задумался, потом начал рассуждать. — Наличие гигантского количества энергии в атомном ядре не вызывает сомнения — ядерные реакторы и ядерное оружие являются наглядным подтверждением этого факта.

Военные закивали, профессор затронул близкую им тему. В ярко освещенном зале собралось, по меньшей мере, тридцать человек, внимавшие каждому слову. Даже сухое потрескивание разохшейся лекционной стойки, за которой привычно расположился профессор, не могло отвлечь их внимания от обсуждения.

— В основе атомной бомбы, в примитивном варианте, лежат деление урана и цепная нейтронная реакция. Именно деление тяжёлых ядер положено в основу конструкции атомной бомбы. А слияние лёгких ядер с образованием более тяжёлых лежит в основе термоядерных реакций водородной бомбы.

Углублённое изучение физических процессов даже «в примитивном варианте» несколько ослабило внимание слушателей. Но без этих азов не возможно было бы перейти к ответу на поставленный полковником вопрос. Поэтому возникший поначалу ропот стих и профессор, кивком головы поблагодарив слушателей, продолжил, медленно обходя ряды

кресел, обтянутых темно-синей кожей:

— Протон, состоит из более мелких частиц — кварков, и если освоить энергию связей между кварками, то можно получить ещё больше энергии по сравнению с ядерными реакциями. «Приручив» эти частицы мы, имея в триллионы раз, меньший механизм, произведем в триллионы раз больше энергии.

В рядах военных возбужденно зашумели.

— По вашим одобрительным взглядам я понял, что сказал то, что вы хотели услышать, но не так всё просто.

Полковник Громов, стоявший возле лекторской стойки, прервал профессора:

— Уважаемый Алексей Евгеньевич, не скромничайте. В вашем подразделении уже ведутся ведь работы по использованию внутрипротонной энергии в военных целях...

— Вы правы, мы подошли к изготовлению генераторов для использования их в широком спектре оружия, от индивидуального карманного излучателя до стратегических планетарных комплексов.

— Надо вам сказать, господа, — перехватил инициативу Громов, — появление такого оружия нарушит существующее равновесие сил в мире.

— Но пока, — продолжил профессор, остановившись, — мы подбираем подходящие параметры для запуска реакции протонного распада, и отрабатываем правильную конструкцию фокусирующей системы.

— На какой стадии сейчас ваши разработки?

— Дело за малым, подбираем соответствующие материалы...

— Я слышал, что «дружественные» ведомства собираются использовать в качестве протонного оружия какое-то антивещество, — спросил один из присутствующих, грузный мужчина с рыжеватыми усами.

— Я тоже об этом слышал, — ответил профессор, — в нашем генераторе излучения вещество будет вначале превращаться в плазму, но если взять «протонную» бомбу, использующую в качестве заряда антиматерию — это будет самая дорогая в мире бомба.

— Резонный вопрос — почему?

— Протон и антипротон — близнецы-братья, только антипротон — это взгляд из зазеркалья. Они номинально равны, но противоположны по знаку, при встрече уничтожают друг друга, высвобождая много энергии. Считается, что взрыв бомбы из антиматерии не даст остаточной радиации — ионизирующего излучения в районе ядерного взрыва.

— Но её всё-таки можно создать? — не унимался военный.

— Пока нет, антивещество нестабильно. Уже более сорока лет учёные бьются над этой проблемой.

— Профессор, всё-таки вернемся к тому, с чего начали: пространственно — временные порталы возможны?

— Я не могу сказать, что это абсурд, хм... — поправив очки, констатировал профессор и потряхнул головой, — но мы ещё не открыли путь в зазеркалье, как Алиса.

— Хорошо, почему Леруа волнуется какая-то частица Бога...

Физик не успел ответить. В зал заседаний вошла очень колоритная фигура, переключившая на себя всё внимание аудитории. Высокий парень спортивного телосложения в изрядно потертом джинсовом костюме, очень похожий на актёра из архивного американского фильма начала двадцать первого века «Люди X».

— Простите, господа, — обращаясь к одному Громову, спокойно произнес он, снимая

солнцезащитные очки, — пробки, всё как в былые времена!

Средиземноморский загар, высокомерный прищур светло-карих глаз — создалось впечатление, что парень пришел, вернее, опоздал на концерт рок-группы, и нисколько об этом не жалеет. На его лице играла самодовольная улыбка. Старший лейтенант, сидевший ближе к выходу, подскочил, пытаясь загородить собой пространство зала, параллельно отодвигая вошедшего к двери. Белоzubая улыбка на мгновение осветила лицо вошедшего.

— Коллеги, — произнес полковник, взглянув на часы, — наше совещание продолжится в час дня, а сейчас прошу оставить нас. Профессор, останьтесь — это дело касается и вас.

Мужчины подождали, пока зал совещаний опустел. Несколько мгновений они помолчали, рассматривая друг друга. Вошедший стоял в расслабленной позе, засунув руки в карманы и, казалось, изучал носки своих черных кроссовок. Профессор заметно нервничал, озираясь по сторонам. Наконец, Громов, выдержав театральную паузу, гордо изрёк:

— Прошу знакомиться, Жан Франсуа.

Профессор вопросительно посмотрел на Громова.

— Агент Ворон, — уточнил тот.

Физик уже с большим интересом посмотрел на парня.

— Мне всегда казалось, что агенты должны быть не броскими, сливаться с толпой...

— У Ивана — другое задание.

— Понятно, что такого молодца зачем-то готовили, — с улыбкой произнес профессор.

— Ты вовремя появился, Иван. Профессор собирался рассказать нам об интересах Леруа в отношении игр с бозонами...

— Я только могу предположить, — пробормотал профессор, — но даже от предположения — мурашки по коже... Простите, Жан, часом, не физик?

— Ему не надо быть физиком.

— Тогда боюсь, что физика, даже в примитивном варианте, будет тяжела для понимания...

— А вы рискните...

Сдавшись, профессор жестом указал на кресла и, сев первым, сложил руки на животе.

— Итак, наука несколько десятилетий назад экспериментально доказала существование таких элементарных частиц, как фотон, глюон, бозоны, гравитон и хиггсон. Каждые из этих частиц по-своему замечательные.

Учёный закатил глаза. Было видно, что он безумно увлечён исследованиями и всё, что связано с перечисленными частицами его очень занимает. Черты лица расслабились, поза стала менее напряжённой.

— Хиггсон — это квант, открытый несколько десятилетий назад ещё на старом небольшом коллайдере. В этой частице скрыта, как предупреждал более полвека назад Стивен Хокинг — физик — теоретик, неприятная, я бы даже сказал опасная особенность.

— Алексей Евгеньевич, — не выдержал Громов, — может, вы уже расскажите нам об этой особенности...

Жан усмехнулся, видя терзания профессора. Откинувшись на спинку кресла, он не сводил взгляда с собеседников.

— Видите ли, мои, вернее не мои, а Хокинга умозаключения могут быть всего лишь теорией, не имеющей под собой ничего вразумительного... Итак, — в очередной раз произнес профессор, — если будет создан нестабильный хиггсон, то он станет тоннелем между ложным⁴ и истинным вакуумом. В результате этого явления вся Вселенная перейдёт и

иное физическое состояние, при этом переход будет мгновенным.

— Забавно, — произнес Жан, — они ведь не дураки, сознательно играть с неведомым.

— Конечно же, в то далекое время, на коллайдере небольшой мощности, такое не представлялось возможным. Сейчас другое дело. Если умозаключения Хокинга верны, то один «кусочек» вакуума «перескочит» из ложного вакуума в истинный, потом потянет за собой соседей. Вокруг точки перескока начнёт раздуваться шар иного вакуума.

— Ну и что? — не выдержал Громов.

— А то, что границы шара будут разлетаться со скоростью света, на этом наш мир закончится. А волна пойдет дальше — поглощая галактику, Вселенную...

— Но ведь по сути — это цепная реакция, — наконец проговорил Громов.

— Можно и так сказать. Будет Армагеддон, мир просто выключит свет...

— Да уж, — почти одновременно произнесли все трое.

— Профессор, а вы в это верите? — не выдержав, спросил Жан.

Ученый, немного подумав, ответил:

— Честно? Нет...

— Так, ладно, закончили с физикой, перешли к реалиям, — Громов обвел аудиторию взглядом. Удостоверившись, что слушателей только двое, продолжил. — Твоя задача, Иван, выйти на Леруа. Этот жук явно что-то замышляет или уже воплощает. Он подозрителен, и никого не подпускает ближе, чем на пушечный выстрел, но у него есть слабое звено — единственная и горячо любимая дочь, Арин.

Громов говорил, чётко проговаривая слова.

— Как ты выйдешь на девушку — это твоя проблема. Но с её помощью нужно разнюхать на каком этапе находятся наши «друзья», насколько они продвинулись в разработках нового оружия. Мне нужно всё, что может пролить свет на эти разработки: донесения, переписка, рапорты, — серые глаза полковника сверкнули недобрым светом. — Нам нужны данные с компьютера Леруа, сможешь?

Жан улыбнулся. На его лице не отразилось никаких эмоций, однако, карие глаза стали уже, а с тонких губ исчезла ироничная улыбка.

— Есть, Сан Саныч, — панибратски ответил он Громову, шутливо отсалютовав ему, — бут сделано.

— О деталях работы программного обеспечения и прочие важные детали — расскажет тебе профессор, — предупредил полковник.

Ученый с гордостью протянул парню телефон размером с пол-ладони.

— У меня уже есть, неплохой, — усмехнулся он. Полковник его осадил тяжёлым взглядом.

— Это наша новая разработка. Квантовый компьютер, — с гордостью, по-детски погладил своё детище профессор, и опять протянул его агенту.

Жан удивленно уставился на него. Квантовые компьютеры, на которые возлагали надежды ученые в начале века, всё еще остались громоздкими, и использовались в основном для хранения и обработки большого массива информации.

— Хорошо, что мне с ним делать? — наконец, сбросив удивление, и взяв устройство в руку, спросил он.

— Во-первых, его можно использовать в качестве средства связи. У него есть одно замечательное свойство — он реверсивен⁵!

— Да вы что! — хлопнув себя по колену, воскликнул агент. — Я так и подумал.

— Не ёрничай, Иван, — покачал головой Громов. — Ладно, валяйте дальше...

— Квантовые компьютеры практически не потребляют энергии, вообще не требуют подзарядки...

— Ну, неплохо, и что мне с ним делать? — вновь спросил Жан.

— Этот компьютер будет тебе помощником в перекачивании данных...

Учёный был фанатом своей работы, и гордость за созданное чудо, волнами сочилась из него, перетекая в полковника.

— Блин, прям сообщающиеся сосуды... — вполголоса проворчал агент. — Я надеюсь, вы мне раскроете тайну его работы, — шёпотом попросил он.

Громов, еще раз оглядев аудиторию, удивленно спросил:

— А шёпотом-то зачем? — Боюсь спугнуть...

— Что?

— Сказку...

— Ваня, я тебя убью! Ладно, профессор, парень извёлся.

— Итак, помощь заключается в том, что программы в нём не «запускаются» а «развиваются», обрабатывая все входы и выходы. Подключившись, он за тебя сделает всё: распаролит компьютер, так как благодаря космической скорости на это уйдет максимум несколько минут. А дальше в него внесена задача и загружен алгоритм быстрого поиска в неупорядоченной базе данных. Поэтому он найдет всё, что нам надо, отбросив ненужное, ну и скачает эту информацию.

— А если подключиться не получится?

— Без проблем, он может работать и дистанционно... это же мощь!

Ученый трепетно передал молодому человеку объемную инструкцию.

— Хорошо, а как же эксперименты? Вы тут порассказали, их же надо остановить, — проявил бдительность Жан. На его губах вновь играла ироничная улыбка.

— За это не переживай, если то, что ты нам нароешь, окажется всё-таки серьезным, эксперименты будут прекращены, верь мне.

Жан вздохнул:

— Oui⁶, летние деньки становятся поистине жаркими...

Они даже не могли предположить, что людскими играми с элементарными частицами заинтересовалась и Высшая сила...

Тёмная Энергия⁷, пронизывающая пространствoвремя Мультивселенной⁸, оглядела подданных.

— Ничтожные создания, эти несносные крупицы, играют с элементарными частицами! На нескольких планетах ведутся эксперименты, способные уничтожить мир. Мой мир! — прошипела она.

Энергия недовольно сжалась. Вокруг заплясали танцовщицы — звёзды. Светопреставление началось. Царство дикой, необузданной энергии ожило. Тёмная Энергия — это Она, Великая сила и Мощь Вселенной. Отголосками по мирам расползлся страх. Субстанции, из которых состояла Вселенная, сжались в комок, изменилась музыка галактик.

— Великая, давай уничтожим эти планеты! Песчинки разнесутся по пространству, — в

страхе заколыхалась Материя⁹.

— Нельзя, — прошипела Энергия, перебив подругу, — эксперименты нужно прекратить! Иначе цепная реакция уничтожит пространство и время...

Квазары пронзили пространство, вздрогнув от ужаса. Астрономы по всему миру прильнули к радиотелескопам. Было зафиксировано мощное реликтовое излучение.

Изящная шатенка с тяжёлой копной длинных вьющихся волос сидела перед зеркалом. Сжимала в руках заколку, тщетно пытаясь собрать ею волосы в хвост. Приглушенный матовый свет скользил по её недовольному округлому лицу, задерживаясь на влажных блестящих глазах. Нахмурившись, она сжимала губы и сердито сопела.

— Надоело, соберу лентой, — девушка перевела взгляд на массивную шкатулку, стоящую на полке возле зеркала.

Оно бесстрастно наблюдало за ловкими пальцами девушки. Затуманившись, на нем отчетливей проступали вращающиеся кольца, которые, переливаясь, гипнотизировали.

— Красный — это мой цвет... — отчётливо пронеслось в голове у девушки.

Она удивленно подняла глаза к зеркалу. Оно переливалось, напоминая гладь озера, манящего своей глубиной. Было в нём что-то первобытное, поднимающее в душе что-то тяжёлое, обволакивающее.

Заколка выскользнула из ослабевших рук девушки. Схватившись за голову, она отшатнулась от зеркала, испугавшись собственных ощущений.

Непонимающе, она смотрела на завораживающий омут, полностью скрывший её отражение. Чужой тихий голос вкрадчиво скользнул в сознание, разгоняя остатки мыслей:

— Красный — это цвет жизни. Цвет энергии. Цвет страсти. То, в чем ты нуждаешься сейчас.

Она медленно осела на пол, не сводя глаз с зеркала, круги на котором подрагивали, словно волны, расходящиеся от брошенного в воду камня. Медленно, что-то вынырнуло из зеркального омута, с легкостью устремившись к девушке. Почувствовав резкую боль, она схватилась за живот. Казалось, под кожей с шипением вспыхнуло пламя. Чем сильнее оно распалось, тем сильнее конвульсии сотрясали тело девушки, искажая её лицо смертельной гримасой...

Пытаясь сохранить равновесие, Арин цеплялась за всё, что попадалось под руки. Огромная напольная ваза с пышными алыми цветами разбилась и залила комнату водой. Вбежавшая молоденькая горничная застыла от изумления, увидев тело девушки, лежащее на полу в воде. Не помня себя от страха, она бросилась к Арин.

— Мадмуазель! Мадмуазель! — шептала она, пытаясь оттащить тело на сухое место, но поскользнувшись, упала сама. — Боже мой, Боже мой...

Из холла донёсся голос хозяйки, чопорной мадам Кларис, которая неспешно разговаривала по телефону, чеканя каждое слово. Горничная стряхнула с себя оцепенение. Встав на четвереньки, неловко поднялась, стараясь не смотреть на тело Арин.

Ничего не подозревающая хозяйка обсуждала что-то с невидимым собеседником:

— Ладно, не желаю больше ломать над этим голову. Он будет теперь кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы.

— Мадам Кларис! — позвала горничная. — Помогите! Крик впавшей в истерику, почти обезумевшей служанки заставил Кларис прижаться к стене, выронив при этом телефон. Она отчетливо расслышала отчаяние в голосе, заставившее броситься на второй этаж. Крик доносился из комнаты дочери. На сердце у Кларис похолодело. Что случилось с её любимицей? Почему горничная кричит не переставая?

Та, завидев хозяйку, подбежала к ней, пытаясь, что-то рассказать. Она тараторила,

проглатывая слова, но Кларис не слышала её. За плечом девушки она видела свою дочь, лежащую ничком на полу. Отодвинув в сторону горничную, она медленно приблизилась. Опустившись на колени, коснулась пальцами шеи. Пульс не прощупывался.

— Скорую, живо! — скомандовала она, и горничная выскочила из комнаты.

Губы Кларис побелели. Удар обрушился внезапно, а осознание его силы придет позже. Лишь бы только не тогда, когда врачи разведут руками...

— Арин, доченька! — так же, как и горничная, несколько минут назад, прошептала мать, словно боясь потревожить. Она перевернула её на спину и всмотрелась в любимое лицо.

Дочь не шевелилась. Солнечный луч упал на её лоб, играя бликами. Лицо казалось по-детски трогательным, беззащитным и спокойным, словно Арин уснула. Кларис ощущала биение своего сердца — единственный звук в комнате. Единственный.

Она вздрогнула и отвернулась, зажмурившись.

Кларис Леруа, аристократка французского происхождения, считала, что болезнь во всех неприглядных её проявлениях — это удел низших слоев населения. Это слишком сложное явление, чтобы тратить на него силы и внимание. Слишком дешёвый способ сделать человека беспомощным и глупым. Подняв голову, она встретила взглядом со своим отражением в зеркале. Чистая поверхность отразила женщину средних лет с уставшим лицом с утонченными чертами. Слегка раскосые темные глаза, обрамленные иссиня-черными ресницами, выдавали возраст и железный стержень её характера. Обеспеченная жизнь и заботливый супруг Антуан Леруа, за горячим, импульсивным холерическим темпераментом которого скрывалось нежнейшее из сердец, позволяли ей не думать о негативных жизненных реалиях. Её гибкий от природы ум, сталкиваясь с проблемой, замирал. Ведь жизнь замечательна и удивительна!

Осторожно уложив тело Арин, Кларис поднялась и отступила, сохраняя ледяное спокойствие, несмотря на отчаянно бьющееся сердце, которое словно разрывалось от боли.

Приехавшие медики обступили её дочь.

— Пульс нитевидный, дыхание нарушено, давление падает, срочно нужна вентиляция легких...

Команды врача выполнялись моментально, было ощущение, что работает отлаженный робот-манипулятор. С бешеной скоростью мелькали шприцы, маски, ампулы.

Во всей этой кутерьме Кларис стояла одна, ярко одетая, маленькая и одинокая, утратившая способность видеть происходящее вокруг.

— Не понимаю, — удивленно взлетели брови семейного врача, прилетевшего в особняк со скоростью ветра.

— Самое страшное заболевание Арин — это ветрянка, которой она переболела в три года, — отчеканила Кларис, но её голос дрогнул.

Медсестра вывела её из спальни и, усадив на кушетку в холле, сделала укол успокоительного. Когда врач вышел из комнаты дочери, Кларис несмело подняла на него глаза.

— Девушку надо госпитализировать, — серьезно констатировал врач.

— Доктор, что с ней? — прижав руки к груди, вопрошала женщина.

— Ваша дочь жива, а это главное.

Во избежание новых вопросов врач резко развернулся и вышел вслед за носилками. Ноги Кларис шли сами по себе, преодолевая расстояние от комнаты дочери, до кареты.

скорой помощи. Навстречу попадалась прислуга, провожающая сочувствующими взглядами, но она их не замечала. Только мысли, бегущие бесконечной строкой, и жившие собственной жизнью: «Единственная доченька... Как сообщить мужу? Он же не вынесет этого!»

Чувствуя терзания матери, семейный врач пожал её руку выше локтя и доброжелательно сказал:

— Я сам извещу господина Леруа о происшедшем.

Диагностический Центр, поликлиника и больница — три в одном, находился всего в паре кварталов от роскошного особняка, из которого вынесли Арин. Его современная архитектура резко отличалась от множества старинных особняков с классическими голубыми или белыми фасадами, располагавшимися в этой части города, в тени роскошных клинолистных платанов и буков. Это было единственное огромное здание, возвышающееся здесь — его вершина терялась в облаках.

Войдя в роскошный холл небоскрёба, Кларис просто потерялась. Запах лекарств, прорывавшийся сквозь ароматизаторы, причинял боль. Она ощущала себя чужой в мире белых хрустящих халатов. Гладкая стерильная поверхность стоек слепила глаза, а расцветка жалюзи и ковров казалась слишком яркой, слишком казенной. Она возненавидела всё это.

— Ну, наконец, то я тебя нашел! Где Арин?

Родной, встревоженный, голос прозвучал за её спиной. Два противоречивых чувства, как ангел и демон, возникли в её душе: огромное облегчение, что груз ответственности за происходящее теперь есть на кого переложить, и стыд за это ощущение.

— Арин в реанимации, — ответила Кларис, не оборачиваясь. Она обхватила плечи руками. — К ней пока не пускают.

Антуан словно застыл за её спиной. Она чувствовала его прерывистое дыхание, ощущала, как муж борется с чувствами, охватившими его. Паника, страх, беспомощность, надежда. Они усилились, когда к ним подошел семейный врач.

— Что с ней, доктор? — возбужденно спросил Леруа у доктора.

— Пока ничего определенного... Я впервые с таким сталкиваюсь, — ответил он, — все органы в норме, никаких повреждений, только в районе сердца на коже красное пятно, примерно сантиметров пять в диаметре. Чем оно вызвано — загадка. Врачи реаниматологи делают всё возможное, чтобы вывести её из комы. А, чтобы диагностировать этот случай, подключили международных специалистов.

Кларис расплакалась как ребенок. Обида, за такую несправедливость и горечь взяли над ней верх. Она вытирала лившиеся нескончаемым потоком слезы тыльной стороной ладони, забыв о приличиях, пока Антуан не протянул ей платок, приобняв.

Врач, чуть склонив голову, отошёл.

Потянулись бесконечные часы ожидания.

— Как внедрение? — мрачно спросила Великая сила. Материя колыхнулась, как будто встряхнули одеяло. Космическая пыль разлетелась на миллиарды световых лет.

— Сестра, тела созданий очень хрупкие. Внедрённая частица чуть не убила ту, которую выбрала ты.

Материя помолчала, потом собравшись с силами, попыталась образумить сестру.

— Почему бы их не уничтожить? Создания такие ничтожные...

— Да, — развеселилась она, — аминокислоты когда-то порезвились на славу. Но ты забываешь о великом соглашении...

Материя вздрогнула, втягивая щупальца.

— Нельзя вмешиваться в ход Времени, мы все уравниваем друг друга. Скоро и так будет танец смерти, он уничтожит живое во многих галактиках...

— Танец? — удивилась Материя. Энергия ехидно захихикала...

— Три галактики сойдутся в бою: Млечный путь, Андромеда, и Трианглум.

— До этого миллиарды лет, — тихо заколыхалась Материя.

— Ты рассуждаешь, как те создания, зовущие Бога, и просящие продлить жизнь, вернув здоровье...

— Да, их мельтешение смешит, они как пыль, рождаются и умирают, не поняв смысла бытия. Для чего они существуют?

— Их выкрутасы — меня забавляют, а некоторые — огорчают...

Огорчают, огорчают, огорчают...

Великая сила потянулась, растягивая в пространстве орбиты планет, звёздные системы, галактики... Гравитация покачала головой:

— Опять она испытывает меня на прочность...

Антуан Леруа с обреченным видом стоял посреди больничной палаты, глядя на свою дочь. Её бледная кожа казалась прозрачной, а дыхание словно остановилось. Множество проводов, приборы на каталках, кислородная маска и капельница довершали печальную картину. Она казалась такой яркой, такой неестественной, вычурной, заставляющей сжиматься отцовское сердце. Врач стоял позади Леруа, за спиной, опасаясь нарушать его задумчивость.

В палату вошла Кларис и, затаив дыхание, остановилась в паре шагов от больничной койки, не сводя заплаканных глаз со спокойного лица дочери.

— Опять ничего? — обратилась она, то ли к врачу, то ли к мужу.

— Она в глубокой коме. Причина столь странного состояния здорового тела — не ясна. Мы делаем всё возможное...

— Очевидно, что могли вы уже сделать, — вышел из состояния транса отец. — Я считаю, что её надо перевести в другую клинику, раз вы исчерпали все возможности поднять мою девочку...

Кларис тяжело опустилась на стул рядом с кроватью. — Господин Леруа, — попытался образумить его врач, — она в коме, и сейчас её нельзя транспортировать, надо ждать...

— Что? — вышел из себя генерал. — Вы предлагаете стоять и ждать, когда моя дочь умрет?

— Антуан, — Кларис закрыла лицо ладонями. Её плечи затряслись. — Не надо!

В это время напряженную тишину палаты нарушил телефонный звонок.

— Леруа, слушаю...

— Господин генерал, говорит лейтенант Смит, — голос военного был взволнован, — учёные обеспокоены! Датчики фиксируют признаки дестабилизации. Здесь все говорят о том, что ЭТО может «тунеллировать», ведь до сих пор частица не изучена.

— Не порите горячку, лейтенант, было доказано, что бозон является стабильным физическим образованием, — ответил Леруа сдержанным тоном. — Продолжайте наблюдение.

Положив трубку, несколько минут Леруа стоял, отрешенно смотря в одну точку.

— Интересно, смогут они удержать эту мелочь, или мы все превратимся в труху, — пробормотал он и, оглядевшись, обратился к врачу. — Доктор, я хотел бы услышать ваше мнение о причинах, вызвавших это.

— Видите ли, глубокую кому могут вызвать такие заболевания как: энцефалит, менингит, малярия, отравления, сахарный диабет, уремия, гепатит, и многое другое, например травма головы...

— Может хватит читать нам лекции по медицине, — прервал врача генерал.

Врач, опустив голову, продолжил:

— Анализы и различные аппаратные обследования не нашли каких-либо патологий, или отклонений, у вашей дочери.

Тупик. Это тупик, думал Леруа, сокрушенно качая головой. Отвернувшись, он невидяще смотрел в окно.

Арин неподвижно лежала, почти не дыша. Её сознание было далеко от драмы родителей и тщетных усилий врачей.

— Я умерла! — подумала она, — меня везут в царство мертвых.

Её поразило безразличие, промелькнувшее в голове, но открыть глаза пока не решалась. Вслушивалась в журчание воды и плеск волн за бортом. Она жадно вдыхала свежий ночной, как ей казалось, воздух. Незримый паромщик тихо кряхтел рядом, работая вёслами. Вдруг он затянул страшную песню:

— Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно,¹⁰
Гонит он лодку шестом и правил сам парусами,
Мёртвых на углу челне через тёмный поток перевозит.
Бог уже стар, но хранит он в старости бодрую силу...

От зловещих слов волосы встали дыбом, и Арин полностью уверилась в то, что путешествие её безвозвратно. Но на секунду показалось, что невидимый певец просто над ней издевается. Оживший персонаж греческих мифов...

Она сквозь ресницы пыталась разглядеть место, где они плывут и Харона¹¹, который греб бесшумно, но быстро, демонстрируя недюжинную силу. Темнота пещеры, в которой они плыли, навели на неё ещё больший страх.

— Так и есть! Подземное царство мертвых! А я не верила! — упрекала она себя, за неверие и невежество.

Её глаза уже достаточно привыкли к темноте. Арин смогла разглядеть, что напротив сидит довольно приятный молодой человек, а не безобразный старец, как должно было быть по её разумению. Это обстоятельство настолько порадовало и вселило уверенность, что она осмелилась спросить:

— Куда вы меня везёте?

— Сиди там и не шуми, — ответил он приятным голосом.

Арин зашептала:

— Так это и есть Стикс?

Парень усмехнулся, не выпуская вёсел из рук:

— Я же сказал тебе, что есть дело. Ни слова больше, поняла?

Арин кивнула, вздохнув. Теперь её единственное право было молчать, покорно соглашаясь с тем, что приготовила ей судьба. Страх сковал её по рукам и ногам, словно она была связана. С расширенными от ужаса глазами следила за отлаженными движениями перевозчика.

Эта пещера была вне времени.

— Я же такая молодая! — всхлипнула она, жалея себя. Вдалеке промелькнул яркий свет. Пещера, наконец, заканчивалась, и любопытство взяло вверх. Прищурив глаза, Арин настороженно наблюдала за происходящим. Ровный плеск волн успокаивал. Тёмные своды пещеры остались позади, уступив место безоблачному небу. Яркозелёные холмы, подсвеченные весенним солнцем, весёлая перекличка маленьких райских птичек, вселила в неё надежду.

— Это не может быть адом! — взбодрила она себя. — Совсем не так, как мы верили...

Немного успокоившись, она перевела взгляд на перевозчика и ахнула. Перед её глазами было лицо, на которое можно было смотреть с удовольствием. Тонкие, но мужественные черты, спокойные светлые глаза, и светлая золотистая борода.

— Ты не можешь быть Хароном! — заключила она.

— Слушай, ты можешь помолчать, а? — резко ответил он.

— Почему я должна молчать?

Он рассмеялся тёплым смехом, показывая крепкие белые зубы:

— Нет, ты меня просто достала! Не слишком ли много вопросов?

— Да ты на них и не отвечаешь, — возмутилась Арин, — везут меня неизвестно куда...

Тут она обратила внимание на то, что укутана в нелепую светло-голубую накидку с ленточками, на голое тело.

— И что это на меня напялили?

Гнев пересилил в Арин чувство страха.

— Объясни, наконец, — прошипела она, стараясь плотнее закутаться в сомнительный наряд.

— Тебе всё объяснят, наберись терпения, — ответил он, слегка нахмутив брови.

Она поняла, что ничего от парня не добьется, и, нахохлившись, стала смотреть по сторонам.

Вокруг царила весна. Яркая, сочная, живая, только что родившаяся, ещё не опалённая солнцем зелень. Шапки розовых и белых цветов плодовых деревьев, нежно колыхались при дуновении тёплого ветерка. Сидящие на ветках птицы задорно вспорхнули ввысь и скрылись за кронами великолепных деревьев. Всюду звенели их звонкие трели. Воздух светился, сказочно переливаясь всеми цветами радуги в водяных брызгах. Арин вздохнула полной грудью. Она ощутила такое дикое желание жить, радоваться новому дню, любить...

В этот момент они подплыли к стеклянному висящему в воздухе мостику. Казалось, что от их шагов он просто рассыплется на тысячу осколков. Молодой человек, ловко выпрыгнув из лодки, подал руку Арин. Ей было так стыдно за свой наряд, что какое-то время она колебалась. Он ждал с протянутой к ней рукой.

— Ладно, — сделала она одолжение, протягивая руку. Парень передёрнул плечами, не скрывая своего нетерпения.

— Твои капризы должны закончиться на этом мосту. С моей госпожой будь вежлива, не задавай глупых вопросов. Отвечай, если она спрашивает. Поняла?

Заинтригованная Арин качнула головой, соглашаясь.

— Вот и умница, — похвалил собеседник, — пошли.

Арин не ощущала своего тела. Ещё немного, и она бы взлетела, поймав ветерок, как райские птички вокруг. Перевозчик решительно повёл её через заросли дикого терновника, образовавшего длинный живой туннель. Открывшееся зрелище заставило вновь задыхаться от восторга. Посередине усеянной цветами лужайки стояла увитая лианами беседка. Золотисто-алые головки лиан покачивались от ветерка, словно живые змеи. Рядом грациозно ходили лани, не обращая внимания на пришедших. Умиротворяющая картина не вязалась с угрюмым лицом спутника Арин, который тянул её в сторону беседки. Через пару шагов стало ясно, к кому торопился перевозчик.

На белой с золотым орнаментом софе в глубине беседки лежала Богиня. Арин это поняла сразу. Её вновь охватило ощущение нереальности и нелепости происходящего. От мистической неземной красоты незнакомки перехватило дыхание.

— Такого не может быть! — пронеслось в голове Арин. Холодный взгляд зелёных глаз Богини смягчился.

— Здравствуй, Арин, — тихо произнесла она. При звуке её голоса смолкли птицы, а

лани подняли головы, словно впервые заметив людей. Аромат сирени и жасмина напитал пространство вокруг.

— Вы кто? — спросила Арин, забыв об этикете.

Женщина улыбнулась. Её глаза стали ярче, зрачки окрасились в глубокий синий цвет. Арин не могла отвести взгляда от лица незнакомки с выразительными глазами, которые завораживали. Она погружалась в них всё больше и больше, забыв обо всём на свете. Ей уже было всё равно жива она или мертва, хотелось лишь остаться здесь, рядом с этой сказочной госпожой.

— Я — Венера, — произнесла она, чуть, улыбнувшись.

Богиня грациозно поднялась. Ярко-красный хитон не скрывал изгибов великолепного тела, а тяжелые, отливающие золотом волосы, колыхались при каждом движении, как живые. Венера подплыла к Арин, не касаясь земли, и долго кружила вокруг, изучая. Перевозчик сложил руки в молебном жесте и поднял голову к небу.

— А ты, ничего, — констатировала Венера, словно оценивая породистую кобылу, — не хватает огня, но это поправимо.

— Зачем я вам? — спросила Арин, медленно приходя в себя. — Правда, после событий прошлого дня мне нечему удивляться. Может это какая-то игра?

— Мы далеки от игры, моя дорогая, — холодно ответила Венера, — мне просто интересно было посмотреть на ту, которую выбрала Великая сила.

— Выбрала... меня? Зачем? — удивилась девушка. Наступило непродолжительное молчание.

— Для выполнения миссии. Тебе всё расскажет твое зеркальное отражение...

— Боже мой, я ничего не понимаю...

— В тебя, по велению Высшей силы внедрена стихия¹², частица духа любви, — сухо ответила Венера, глядя подошедшего к ней оленёнка. — Стихия — идеальный исполнитель, призванный выполнить функцию, ради которой её внедрили. Правда, язва еще та, но думаю, вы поладите.

— В меня кто-то поселён? — изумленно спросила Арин, прислушиваясь к своим ощущениям. — Зачем?

Венера, удовлетворив свое любопытство, больше не желала продолжать общение. Она пожала плечами, и отвернулась.

На её лице играла загадочная улыбка, разгадать которую Арин, была не в силах. Все казалось сказочным сном с искусственными пейзажами и загадочными персонажами, стремящимися запутать всё больше. Они могли лишь ходить кругами, гипнотизировать и напускать тумана, но Арин не хотела расставаться с реальностью. Она чувствовала, что никто из окружающих не заинтересован в том, чтобы объяснить происходящее...

— Здравствуй Арин, — прозвучал в голове девушки вкрадчивый, и довольно приятный голос, — называй меня Нира. Я — твоё зеркальное отражение.

Арин вздрогнула. Она сейчас в полной мере ощутила себя душевнобольным человеком, разговаривающим с голосом в голове. Но всё-таки нашла в себе силы, чтобы ответить:

— Здравствуй. Судя по тому, что я общаюсь с невидимой сущностью, значит, я и вправду больна?

— Не переживай, — холодно ответила Венера, подплыв ближе. — Выполнив задание, Нира исчезнет. Прими это, как должное...

Венера щёлкнула пальцами.

Всё вокруг закружилось. Цвета хаотично перемешивались, в ушах звенело, глаза неприятно жгло, словно в них попал песок...

Тело Арин сотрясла судорога. Отреагировали приборы, врач и вбежавшая в палату медсестра бросились на помощь. Давление на мониторах начало расти, девушка открыла глаза. Зелень зрачков была необыкновенно яркого цвета. Взгляд был взглядом человека, спокойного, отдохнувшего, без признаков телесного недомогания. Мать, подбежавшая к кровати, рухнула на колени, не в силах даже произнести слова благодарности Богу за чудесное возвращение ей единственного чада. Но встретившись взглядом с дочерью — отшатнулась. Чужой взгляд...

— Это не моя дочь... её глаза! Они изменили цвет! — потрясенно прошептала она.

Врач радостно воскликнул, не понимая потрясение матери:

— Мадам Леруа, наметилась положительная динамика. Ваша дочь пришла в себя!

Арин непонимающе смотрела на родителей. Её глаза были пусты.

«Я жива? — пронеслось в её голове — Значит, это был всего лишь сон?»

Пространство помрачнело. Великая сила оглядывала свои безграничные владения. Галактики отряхнули наряды, почистили рукава спиралей, звёзды взорвались, фейерверком отправляя в космическое пространство пыль. Несколько Сверхновых приготовились к смерти, самой грандиозной смерти в царстве энергии. Великая, эта дань тебе... Космический круговорот рождений и смертей. Шелуха, в которую завернулась звезда, последнее платье обреченной, очень скоро разлетится облаком, даря пространству кальций, железо, кремний, серебро...

Но это всего лишь куколка, из которой родится бабочка, новая галактика с нейтронной звездой в центре. Разбегайтесь, братья и сёстры, фронт ударной волны сметёт на своём пути всё, а радиация добьёт планеты с песчинками аминокислот, существ, возвращённых заботливым провидением.

— Вот где ад! — с восхищением прошипела Великая сила.

— Звёзды дрожат, пытаясь спрятаться от удара, — Материя запульсировала, — они собираются покинуть рукава галактики.

— Без моего разрешения никто не покинет своего места...

Темная энергия сильнее сжала окраины галактики, не давая звездам покинуть её.

— Утомитесь, — приказала она.

Пространство потряс термоядерный взрыв.

— Какая яркая смерть, — восхищенно произнесла Великая сила.

Материя содрогнулась, заколыхалась. Забили галактические фонтаны. Спаявшиеся воедино атомы, химический коктейль, мощным порывом был выброшен в межзвездное пространство.

— Да... — Тёмная Энергия с восторгом поглощала Материю.

Косой дождь зарядил со страшной силой. Ощущение глубокой осени тоской закралось в душу. Казалось, что жизнь по капле уходит из окружающего мира, опустошая реальность. Гнетущее чувство, растущее в душах, подобно чёрной дыре. Мир всегда кажется безликим и тусклым, когда жизнь близкого человека зависит от времени больше, чем от надежд.

— Девочка моя, — отец гладил тёмные кольца волос Арин. — Ты скоро поправишься, и мы опять будем вместе.

Арин с надеждой смотрела на родителей. Постаревшие, осунувшиеся лица. Сгорбленные позы, бесконечное ожидание в глазах.

— Да, я снова буду здорова, — ударения на последнем слове ни заметил никто.

Но только Арин понимала, насколько ей это необходимо. Одна мысль не выходила у неё из головы: «она находится во власти какого-то потустороннего создания, делящего с ней мысли и чувства». Повинуясь слепому инстинкту, она мечтала о единственной возможности спастись — это сходить на исповедь и причаститься. Родители, конечно же, не понимали её терзаний.

— Скоро приедёт Френк, он очень огорчён твоей болезнью, — продолжил ласково отец.

— Ты ему сообщил? — забеспокоилась Арин.

— Конечно, он же не чужой нам человек! Всё, что касается тебя, касается и его.

— Ты прав, папа, но я не хотела, чтобы он видел меня в таком неприглядном виде...

— Глупости! Вспомни — в болезни, и во здравии...

— Да, да, да, — обреченно пробормотала она.

Арин отвела глаза от участливого взгляда родителя. Френк Уэлмер — молодая звезда военного ведомства, в котором отец занимал не последнее место. В нём было всё — молодость, стремление к достижению цели, огромные перспективы, достойные родители, то есть всё, что могло составить блистательную партию единственной и горячо любимой дочери генерала Леруа. Только Арин, поначалу восхищавшаяся бравым военным, сейчас всё с большим беспокойством ждала скорой свадьбы. Чтото в нём отталкивало, беспокоило. Но что? На этот вопрос не было ответа. Наверное, она его всё-таки не любила.

[Купить полную версию книги](#)

Омар Хайям

Не так ли.

Шакшу́ка — блюдо из яиц, жаренных в соусе из помидоров, острого перца, лука и приправ. Считается, что родина блюда — Тунис.

Ложный вакуум — состояние в квантовой теории поля, которое не является состоянием с глобально минимальной энергией, а соответствует её локальному минимуму. Всё в природе стремится к минимуму энергии, и поэтому мы сейчас «живем» и процветаем в ложном вакууме (как бы), а где-то есть истинный вакуум, там, где напряженность поля Хиггса ниже, или тёмной энергии меньше, или ещё что-то. Предположительно не стабильный хиггсон может «туннелировать» в состояние истинного вакуума, увлекая за собой всё...

Квантовые компьютеры реверсивны, следовательно, теоретически не потребляют энергии.

Да

Тёмная Энергия — динамическое поле, энергетическая плотность которого может меняться в пространстве и времени. Она просто «стоимость существования пространства»: то есть, любой объём пространства имеет некую фундаментальную, неотъемлемо присущую ему энергию. Её ещё иногда называют энергией вакуума, поскольку она является энергетической плотностью чистого вакуума.

Мультивселенная — скопление множества иных Вселенных, каждая со своим набором физических законов, могла возникнуть из того же первичного вакуума, который породил и нашу Вселенную. Таким образом, вакуум — это, подходящий кандидат на роль носителя тёмной энергии.

Тёмная материя — гипотетическая форма материи, которая не испускает электромагнитного излучения и напрямую не взаимодействует с ним. Это свойство данной формы вещества делает невозможным её прямое наблюдение. Тёмная материя и тёмная энергия — это то, что не видно глазу, однако их присутствие доказано в ходе наблюдений за Вселенной.

Пу́блий Верги́лий Ма́рон — один из величайших поэтов Древнего Рима.

Харóн — перевозчик душ умерших через реку Стикс в древнегреческой мифологии.

Стихиалия — сущность